
ДОСТОЕВСКИЙ И АМЕРИКА

К ЮБИЛЕЮ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Литература двух Америк. 2021. № 11.

Literature of the Americas, no. 11 (2021)

Научная статья
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-8-33>
УДК 821.161.1

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Сергей КИБАЛЬНИК

МЕТАФОРА СВОБОДЫ ИЛИ АЛЛЕГОРИЯ САМОУБИЙСТВА? «АМЕРИКА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: Для русских социалистов «Америка» была «землей обетованной» — своего рода метафорой абсолютной свободы, обеспечивающей все возможности для полной самореализации каждого человека. В романе Достоевского «Бесы» в «Америку» попадают русские социалисты Шатов и Кириллов, которые впоследствии порывают с идеями социализма, но все равно в конце концов погибают. Недаром еще в «Преступлении и наказании» в устах Раскольникова «Америка» также знаменовала тщетность исхода для русского человека, не свободного от совести, а в устах Свидригайлова выражение «уехать в Америку» оказалось даже аллегорией самоубийства. Такое смысловое наполнение образа «Америки» отчасти сохранилось и в последующей русской литературе. В статье это продемонстрировано на примерах пьесы Чехова «Чайка» и рассказа Газданова «Черные лебеди». Сходная художественная диалектика — при всем отличии сюжета и образов «Братьев Карамазовых» от «Преступления и наказания» и «Бесов» — наблюдается и в итоговом романе Достоевского, который, вопреки мнению некоторых исследователей, отнюдь не заканчивается бегством Дмитрия Карамазова в «Америку». В отличие от А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, «Америка» в творчестве Достоевского предстает не столько метафорой свободы, сколько аллегорией самоубийства.

Ключевые слова: Достоевский, Америка, «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы», Герцен, Чернышевский, Чехов, Газданов, русские социалисты, метафора, аллегория.

Информация об авторе: Сергей Акимович Кибальник, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5937-5339>. E-mail: kibalnik007@mail.ru.

Для цитирования: Кибальник С.А. Метафора свободы или аллегория самоубийства? «Америка» в художественном мире Достоевского // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 8–33. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-8-33>.

DOSTOEVSKY AND AMERICA

DOSTOEVSKY BICENTENNIAL

Literatura dvukh Amerik, no. 11 (2021)

Literature of the Americas, no. 11 (2021)

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-8-33>

UDC 821.161.1

This is an open access article distributed under the Creative

Commons Attribution 4.0

International (CC BY 4.0)

Sergei KIBALNIK

A METAPHOR OF FREEDOM OR AN ALLEGORY OF SUICIDE? “AMERICA” IN DOSTOEVSKY’S WORKS

Abstract: For the Russian socialists, “America” was the promised land — a kind of metaphor of absolute freedom, making possible full self-realization of every person. In Dostoevsky's *The Demons*, Russian socialists Shatov and Kirillov find their way to America, subsequently break with the ideas of socialism, but nevertheless perish — either as a result of his past (Shatov), or his atheism (Kirillov). It is not without reason that even for Raskolnikov in *Crime and Punishment* America also means the futility of the exodus for a Russian person who is not free from shame and conscience, and Svidrigailov's expression “to go to America” even turned out to be an allegory of suicide. This symbolism is to a certain extent preserved in Russian literature after Dostoevsky. The article demonstrates this by examples of Chekhov's play *The Seagull* and Gazdanov's story “Black Swans”. Although plots and images of the *Crime and Punishment*, *Demons* and *The Brothers Karamazov* differ, the similar artistic dialectics is observed in Dostoevsky's last novel, which, according to some researchers, allegedly ends with Dmitry Karamazov's flight to America. Unlike Herzen and Chernyshevsky, “America” in Dostoevsky's works appears not so much as a metaphor of freedom, but rather as an allegory of suicide.

Keywords: Dostoevsky, America, *Crime and Punishment*, *Demons*, *Brothers Karamazov*, Herzen, Chernyshevsky, Chekhov, Gazdanov, Russian socialists, metaphor, allegory.

Information about the author: Sergei A. Kibalnik, PhD in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Embankment 4, 199034 Saint-Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5937-5339>. E-mail: kibalnik007@mail.ru.

For citation: Kibalnik, Sergei. “A Metaphor of Freedom or an Allegory of Suicide? ‘America’ in Dostoevsky’s Works.” *Literature of the Americas*, no. 11 (2021): 8–33. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-8-33>.

Проблема восприятия Достоевским «Америки», с одной стороны, входит в общую тему его отношения к Западу. Причем, как нам уже приходилось отмечать, последнее отнюдь не сводится только — как, увы, иногда утверждают — к критике и отталкиванию. Так, например, при всей одиозности большинства героев-иностранцев Достоевского мистер Астлей из его романа «Игрок» представляет собой, напротив, первый подступ к созданию образа «положительно прекрасного человека» [Кибальник 2013: 347–348].

С другой стороны, проблема восприятия Достоевским «Америки» достаточно специфична, поскольку и сами США были во второй половине XIX в. весьма своеобразной страной, заметно выделявшейся из ряда «западных» стран.

«Америка» как «обетованная земля» русских социалистов

Как известно, русские социалисты относились к Америке с надеждой и энтузиазмом. Они верили в «хрустальные дворцы» и «колонны из алюминия». А Америка в этом смысле была в их сознании отчасти как бы продолжением Лондона, каким его увидел в 1859 г. во время своей поездки к А.И. Герцену Н.Г. Чернышевский. Недаром герой его романа «Что делать?» (1863) Лопухов после своего мнимого самоубийства возвращается в Петербург агентом «лондонской фирмы Ходчсона, Лотера и К^о» Чарльзом Бьюмонтом¹.

Однако приезжает он, по его собственной версии, из Нью-Йорка, где он якобы жил со своим отцом — лишь транзитом через «лондонскую контору» фирмы [Чернышевский 1975: 316]. В отзывах Лопухова о США это страна, в которой уже осуществлено многое из того, что нужно только начинать делать в России («я знаю примеры, у нас в Америке», «я все это видел у нас, в Америке»). Очевидно, по этой же причине так «нужно» побывать там и «изучить» Америку Рахметову [Чернышевский 1975: 214, 319, 320].

Между прочим, в какой-то момент своей заграничной жизни туда же собирался отправиться и Герцен. В том случае, если бы его жена Наталья Александровна решила уйти из семьи с немецким революционно-демократическим поэтом Георгом Гервегом, с которым у нее был роман, Герцен со своим старшим сыном намеревался уехать именно в Америку [Герцен 1958: 270, 285].

---

¹ Здесь и далее курсив, за исключением особо оговоренных случаев, мой. — С. К.

Как известно, в своей книге «С того берега» (1850), вышедшей как раз в год его семейной драмы, он относил Америку, как и Россию, к странам, которые либо уже «готовы», как первая из них, либо «готовятся», как вторая, к тому, чтобы «подняться путем общественного преобразования» [Герцен 1954, 6: 190].

Именно по этой причине в глазах многих русских социалистов Америка была «землей обетованной». По мнению Н.А. Кубанева, «именно с “землей обетованной”, с недостижимым убежищем, где можно начать новую жизнь», «Америка ассоциировалась — как “страна фантастическая”» и в произведениях многих русских писателей — в частности, Лермонтова, Тургенева и Достоевского [Кубанев 2000: 138]. Впрочем, как мы увидим ниже, в применении к Достоевскому это утверждение не совсем точно.

Однако для русских социалистов это действительно было так. Недаром именно в США автор самого известного социально-утопического романа «Путешествие в Икарию» (1840) Этьен Кабе в 1847 г. основал коммунистическую колонию, которую составили несколько сотен переселившихся туда французских рабочих. Не слишком успешным попыткам Кабе в Техасе и затем в Иллинойсе предшествовал аналогичный опыт Роберта Оуэна в Индиане, предпринятый в 1825 г.

Вслед за Кабе подобные попытки — в надежде на то, что они закончатся более удачно, — делали и другие, в том числе и русские социалисты. По словам В.Г. Короленко, «в это время эмиграция в Америку влекла многих русских [...], мечтавших о коммунистических опытах» [Короленко 1955: 178].

Одна из первых попыток, предпринятых россиянином, связана с именем П.А. Бахметева, послужившего одним из прототипов героя романа Чернышевского «Что делать?» (1863) Рахметова. В 1857 г. он продал свое имение, передал в Лондоне на революционные цели А.И. Герцену и Н.П. Огареву около двадцати тысяч франков, а сам с оставшимися деньгами отбыл для организации коммуны — правда, не в «Америку», а в Новую Зеландию или на Маркизовы острова.

Поскольку он и не думал прятать той крупной суммы денег, которую взял с собой в путешествие (чем несказанно удивил Герцена), и с тех пор его больше никто не видел, то его, скорее всего, ограбили, а может быть, и убили. Во всяком случае, это казалось весьма вероятным самому Герцену [Герцен 1954, 11: 346–348, 715]. Если все так и случилось, то произошло это, по всей видимости, совсем не в Америке и не по пути туда. Однако представление об отъезде

в Америку или об эмиграции вообще как о своеобразной форме или метафоре самоубийства, которое впоследствии сложится в сознании Достоевского, возможно, отчасти питалось и историей Бахметева.

Не случайно эта история в откровенно полемическом по отношению к Герцену ключе упоминается на страницах романа «Бесы», где рассказано об одном из адептов Петра Верховенского, изрубившем иконы и разложившем вместо них у себя дома сочинения европейских материалистов: «Если б у него было пятьдесят тысяч франков, то он уплыл бы, может быть, на Маркизские острова, как тот “кадет”, о котором упоминает с таким веселым юмором господин Герцен в одном из своих сочинений» (см.: [Достоевский 1972–1990, 10: 269]). Очевидно, что, в отличие от Герцена, сам Достоевский воспринимает историю Бахметева как совсем не веселую. Причем, очевидно, видит в ней пример того, как человека «съела идея» [Достоевский 1972–1990, 10: 427, 469].

Вот почему эта история вполне могла питать собой образ Кириллова. Тем более что оставленное последним предсмертное письмо в конечном счете послужило — пусть и на время — прикрытием убийцам Шатова. Оставленные же Бахметевым деньги, как известно, также оказались поводом для многолетней распри между Герценом и «молодой эмиграцией». В итоге, благодаря наивности Н.П. Огарева и безответственности М.А. Бакунина, они целиком достались С.Г. Нечаеву.

Впрочем, еще до выхода в свет романов Чернышевского и Достоевского в Америку ездили и другие русские социалисты. Так, еще в 1858 г. молодой востоковед В.И. Кельсиев, сблизившийся с Н.А. Добролюбовым и братьями Курочкиными, отправился затем на бывшую в то время российской территорией Аляску, чтобы приступить к службе в Российско-Американской компании. До места назначения он не доплыл, а, сойдя на берег в Плимуте², обратился с письмом к Герцену относительно возможности заработать на жизнь в Лондоне. Получив от того положительный ответ, Кельсиев приехал в Лондон, сделался сотрудником Вольной русской типографии и политическим эмигрантом, а позднее основал в Тульче (Турция) русскую социалистическую колонию.

---

² Ср. неточное изложение этой истории А.Е. Эткиндо: «В 1858-м году в Америку поплыл Василий Кельсиев, служащий Российско-Американской компании и знаток восточных языков. Остановившись в Англии, он примкнул к кружку Герцена...» [Эткинд 2001: 82].

В конце концов Кельсиев добровольно вернулся в Россию, был заключен в тюрьму и написал там «Исповедь», которую прочитал Александр II, даровавший ему полное прощение. Нет ничего удивительного, что в личности и истории Василия Кельсиева видят одного из наиболее вероятных прототипов Ивана Шатова (см.: [Достоевский 1972–1990, 12: 232–233])³.

«Американский» эпизод «Бесов»

Достоевский еще в «Записках из подполья» (1863) посмеялся над лондонским «хрустальным дворцом» как тщетной рационалистической иллюзией построения человеческого счастья только за счет обобществления собственности и технического прогресса.

В дальнейшем в «Бесах» (1871–1872) он прямо берется за изображение социалистов и здесь в первый и в последний раз в своем творчестве делает беглый набросок Америки, в которой он сам, как известно, так и не побывал.

Об «Америке» заходит речь в главе четвертой первой части этого романа, озаглавленной «Хромоножка», в которой повествователь посещает Шатова. Именно в его уста вложен этот рассказ, который начинается с его отзыва об овладевшей Кирилловым идее осуществления «человекобожества» посредством самоубийства как о головной, вычитанной из книг мысли:

— А это он в Америке себе належал.

— Кто? Что належал?

---

³ Ср. куда менее вероятную кандидатуру на роль прототипа — причем странным образом не только Шатова, но одновременно и Кириллова, — выдвинутую А.Е. Эткингом. Исследователю представляется «очень вероятным», что «прототипом Шатова и Кириллова был “главный после Чернышевского пропагандист американского пути” И. Дебогорий-Мокриевич». Однако, во-первых, сами эти герои Достоевского пропагандистами американского пути не были, а во-вторых, Эткинд не приводит никаких доводов хотя бы в пользу того, что Достоевский вообще знал о существовании о Дебогория-Мокриевича. «В 1869 году он провел в Америке около года, побывал в Онайде и увидел там групповой брак, взаимную критику и другие необычные явления, — пишет о нем Эткинд. — Он вернулся в Россию, в 1871 году был в Петербурге и вновь планировал ехать в Америку, чтобы основать собственную коммуну» [Эткинд 2001: 83, 84]. Между тем первая часть «Бесов», в которую входит рассказ Шатова об «Америке», была написана за границей, еще до возвращения Достоевского в Петербург 8 июля 1871 г. В апрельском номере «Русского вестника» за 1871 г. она уже была опубликована.

— Я про Кириллова. Мы с ним там четыре месяца в избе на полу пролежали⁴.

— Да разве вы ездили в Америку? — удивился я. — Вы никогда не говорили.

— Чего рассказывать. Третьего года мы отправились втроем на эмигрантском пароходе в Американские Штаты на последние деньжишки, «чтобы испробовать на себе жизнь американского рабочего и таким образом *личным* опытом проверить на себе состояние человека в самом тяжелом общественном положении». Вот с какою целью мы отправились.

— Господи! — засмеялся я. — Да вы бы лучше для этого куда-нибудь в губернии нашу отправились в страдную пору, «чтобы испытать личным опытом», а то понесло в Америку!

— Мы там нанялись в работники к одному эксплуататору; всех нас, русских, собралось у него человек шесть — студенты, даже помещики из своих поместий, даже офицеры были, и всё с тою же величественною целью. Ну и работали, мокли, мучились, уставали, наконец я и Кириллов ушли — заболели, не выдержали. Эксплуататор-хозяин при расчете обсчитал, вместо тридцати долларов по условию заплатил мне восемь, а ему пятнадцать; тоже и бивали нас там не раз. Ну тут-то без работы мы и пролежали с Кирилловым в городишке на полу четыре месяца рядом; он об одном думал, а я о другом.

— Неужто хозяин вас бил, это в Америке-то? Ну как, должно быть, вы ругали его!

— Ничуть. Мы, напротив, тотчас решили с Кирилловым, что «мы, русские, пред американцами маленькие ребятишки и нужно родиться в Америке или по крайней мере сжиться долгими годами с американцами, чтобы стать с ними в уровень». Да что: когда с нас за копеечную вещь спрашивали по доллару, то мы платили не только с удовольствием, но даже с увлечением. Мы всё хвалили: спиритизм, закон Линча, револьверы, бродяг. Раз мы едем, а человек полез в мой

---

⁴ Как отмечает Н.Э. Фаликова, в рассказах Шатова об Америке «преобладают мотивы тесноты, узости, безвыходности. <...> Возникновение «идеи-чувства», идеи, которая подобно камню может раздавить человека, в романах Достоевского всегда связано с влиянием узкого и замкнутого пространства. Так и Кириллов с Шатовым где-то в избе «належали» свои идеи: Кириллов — о человекобоге, а Шатов — о народе-Богоносце. Эти идеи они услышали еще до отъезда из Европы от Ставрогина, но только в Америке, пережив разочарование в западных идеалах, «пламенно приняли» и «пламенно переиначили» их» [Фаликова 1994: 238].

карман, вынул мою головную щетку и стал причесываться; мы только переглянулись с Кирилловым и решили, что это хорошо и что это нам очень нравится...

— Странно, что это у нас не только заходит в голову, но и исполняется, — заметил я.

— Люди из бумажки, — повторил Шатов.

— Но, однако ж, переплывать океан на эмигрантском пароходе, в неизвестную землю, хотя бы и с целью «узнать личным опытом» и т. д. — в этом, ей-богу, есть как будто какая-то великодушная твердость... Да как же вы оттуда выбрались?

— Я к одному человеку в Европу написал, и он мне прислал сто рублей.

Шатов, разговаривая, всё время по обычаю своему упорно смотрел в землю, даже когда и горячился. Тут же вдруг поднял голову:

— А хотите знать имя человека?

— Кто же таков?

— Николай Ставрогин.

Он вдруг встал, повернулся к своему липовому письменному столу и начал на нем что-то шарить. У нас ходил неясный, но достоверный слух, что жена его некоторое время находилась в связи с Николаем Ставрогиным в Париже, и именно года два тому назад, значит, когда Шатов был в Америке, — правда, уже давно после того, как оставила его в Женеве. «Если так, то зачем же его дернуло теперь с именем вызваться и размазывать?» — подумалось мне.

— Я еще ему до сих пор не отдал, — оборотился он ко мне вдруг опять... [Достоевский 1972–1990, 10: 111–112]⁵.

Итак, Шатов с Кирилловым, в отличие от большинства других социалистов, попадают в Америку безо всяких иллюзий — для того, чтобы в полной мере испытать на своей шкуре ужасы капиталистической эксплуатации. И Америка сполна эти их ожидания оправдывает. Выбирается же Шатов из Америки, на первый взгляд, необычным образом: взяв займы денег у человека, у которого ему, казалось бы, менее всего удобно просить.

Подчеркивание Шатовым того, что он до сих пор этих денег Ставрогину не отдал, внешне выглядит как какая-то бравада: вот,

---

⁵ Как известно, в рассказе Шатова отразились некоторые моменты путевых заметок П.И. Огородникова «От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию» («Заря», 1870, № XI, отд. II) — отмечено в: [Достоевский 1972–1990, 12: 293–294]).

дескать, каковы мы, «новые люди» — обычные законы морали для нас не писаны. Однако, как вскоре читатель будет иметь возможность убедиться, на самом деле Шатов не таков. Более того, он уже давно не считает себя «новым человеком», а всего лишь подчеркивает, что совсем не скрывает своего постыдного поступка.

Внутренние основания этот мотив, судя по всему, имеет в собственной биографии Достоевского: жестоко проигравшись на рулетке в Висбадене, писатель в 1865 г. попросил и получил в долг 100 талеров у Тургенева [Достоевский 1972–1990, 28, кн. 2: 128–129, 422–423; 29, кн. 1: 63], несмотря на резкие общественные разногласия, которые тогда между ними были. На момент создания «Бесов» Достоевский так и не отдал Тургеневу этих денег [Достоевская 2015: 355–356]. Ничего удивительного в автобиографичности этого мотива в образе Шатова нет: ведь после возвращения из «Америки» этот герой исповедует взгляды, близкие к почвенническим воззрениям самого Достоевского.

Что же касается слов Шатова о Кириллове: «Это он в Америке себе належал!» — то они служат продолжением предыдущего разговора о Кириллове между повествователем и Шатовым:

— Я у этого Алексея Нилыча вчера чай пил, — заметил я, — он, кажется, помешан на атеизме.

— Русский атеизм никогда дальше каламбура не заходил, — проворчал Шатов, вставляя новую свечу вместо прежнего огарка [Достоевский 1972–1990, 10: 110].

Следовательно, и главная мысль Кириллова о том, что, только сознательно убив себя, можно стать Богом, которой он как раз накануне делится с повествователем [Достоевский 1972–1990, 10: 92–94], родилась у него именно в Америке. И это у Достоевского, конечно же, не случайно.

С одной стороны, где же еще, по мысли Достоевского, пропитаться атеизмом, как не в Америке? Впрочем, в то же время идея Кириллова, разумеется, произрастает из европейской атеистической философии середины XIX века (см., напр.: [Кибальник 2013: 229–230]).

С другой стороны, рассказ Шатова о его пребывании вместе с Кирилловым в Америке вообще отмечен представлением о последней как о месте духовной смерти русского человека. В свою очередь оно опиралось на воплощенный ранее в «Преступлении и наказании» символический образ Америки, связанный именно со смертью. Ведь

Свидригайлов все время говорит о том, что уезжает в Америку, а в действительности кончает жизнь самоубийством.

Стоит особо остановиться на том, как «американский» эпизод «Бесов» излагается и интерпретируется в исследовательской литературе последнего времени. Так, например, под пером А.Е. Эткинда он выглядит следующим образом:

Мрачный Кириллов расплатился за билет из Америки обязательством убить себя во имя революции, что и исполняется. Шатов же вернулся в Россию на деньги Ставрогина, отработанные его, Шатова, супругой: когда он был в Америке, жена его была в связи со Ставрогиным. Теперь он не может этих денег отдать и потому позволяет себя убить. Так Достоевский трактует любовный треугольник из *Что делать?* и путешествие благородного Лопухова. В результате американский соблазн входит в фабулу ключевым ее моментом; именно из-за своего путешествия в Америку обе жертвы, каждая по-своему, не могут порвать с революционерами и гибнут [Эткинд 2001: 89].

Здесь неверно едва ли не каждое утверждение. Во-первых, Кириллов не давал обещания «убить себя во имя революции». Он уходит из жизни, осуществляя тем самым свою собственную идею «человекобожества», и только соглашается оставить после смерти записку такого содержания, которое было бы удобно Верховенскому и его компании. Вот как говорит об этом он сам:

— В Обществе произошла мысль [...] что я могу быть тем полезен, если убью себя, и что когда вы что-нибудь тут накутите и будут виновных искать, то я вдруг застрелюсь и оставлю письмо, что это я все сделал, так что вас целый год подозревать не могут [Достоевский 1972–1990, 10: 290–291].

Во-вторых, Кириллов дал такое обещание отнюдь не в качестве расплаты за деньги, присланные Шатову в Америку. Правда, деньги от Общества он и в самом деле получил и в самом деле «на дорогу», но не из Америки в Россию, а из Европы в Россию, и совсем не в счет своего будущего самоубийства. К тому же деньги эти Кириллов к моменту новой встречи с Верховенским, происходящей в преддверии исполнения его обещания, уже отдал (см.: [Достоевский 1972–1990, 10: 291]).

В-третьих, Шатов вовсе не считает, что его жена «отработала» деньги, присланные ему Ставрогиным. Если это было бы так, то с какой стати он считал бы себя его должником? Здесь первое утверждение Эткинды не сходится с его же собственным вторым утверждением.

В-четвертых, и это главное, Шатов вовсе не «позволяет себя убить», потому что не может отдать этих денег. Начать с того, что деньги он должен Ставрогину, а убивает его Верховенский. Далее, в действительности вскоре после того, как Шатов рассказывает историю о своем пребывании вместе с Кирилловым в Америке, он отдает эти деньги Ставрогину, так что более ничего ему уже не должен (см.: [Достоевский 1972–1990, 10: 192]). При этом Ставрогин приходит к Шатову вовсе не для того, чтобы — как можно было бы предположить, исходя из выше приведенной трактовки всей этой истории, — угрожать ему (причем не только в связи с якобы не отданными ему до сих пор деньгами, но даже и не по случаю пощечины, данной ему Шатовым), а, напротив, чтобы предупредить, что Верховенский хочет его убить. Так что к моменту, когда Верховенский со своими приспешниками все же убивает Шатова, тот давно уже никому ничего не должен. И он не только не «позволяет себя убить», но, будучи заманен в западню, борется за свою жизнь, сколько может.

Наконец, в-пятых, поскольку вся эта история представлена исследователем в неверном свете, то, соответственно, не имеет отношения к действительности и ее интерпретация. На самом деле она никак не связана с любовным треугольником романа Чернышевского «Что делать?»⁶. Лопухов инсценирует самоубийство, а в действительности уезжает за границу, убедившись в том, что его жена любит Кирсанова. Шатов же едет в Америку, ««чтобы испробовать на себе жизнь американского рабочего и таким образом *личным* опытом проверить на себе

---

⁶ Между тем общая противопоставленность образов «Америки» у Достоевского и Чернышевского не оставляет сомнений и не раз отмечалась другими исследователями: «Для Чернышевского “заокеанский мир” — символ деятельной жизни, справедливого социального устройства. В произведениях Достоевского позитивизм и технократизм Нового Света — приметы “цивилизации без Бога”. Чернышевский утверждает социально-политические завоевания США, которые, по его мнению, необходимо “привить” на русской почве, Достоевский настаивает на “гибельности” этого пути для России, доказывая это итогом судеб героев (“вояж”/бегство в Америку как крах личности героев). Преображение героев за океаном рассматривается Чернышевским как символ возрождения к новой, активной, направленной на всеобщее благо жизни, Достоевским — как символ духовной (а иногда и физической) гибели» [Арустамова 2019: 30].

состояние человека в самом тяжелом общественном положении». При этом жена его вступила в связь со Ставрогиным «уже давно после того, как оставила его в Женеве» (см.: [Достоевский 1972–1990, 10: 112]).

Что же общего между двумя этими сюжетами? Только то, что пока Шатов был в Америке, его жена жила со Ставрогиным. Так что же, это, по мысли исследователя, своего рода криптопародия на Лопухова с Кирсановым? Вот, дескать, каковы они эти русские социалисты: в действительности Лопухов не просто уехал в Америку, а на деньги, взятые у Кирсанова? Такова, в представлении Эткинда, мысль Достоевского? Достоевский действительно неоднократно — причем и тайно, и явно — критиковал Чернышевского, но никогда не прибегал при этом к клевете и не впадал в пошлость.

Соответственно, и общий вывод исследователя: «американский соблазн входит в фабулу ключевым ее моментом» — хотя и может быть отчасти извинен увлечением исследователя его темой, однако из реального содержания романа никак не вытекает.

«Американское» путешествие Свидригайлова

Эвфемизм «поехал в Америку» в смысле «покончил жизнь самоубийством» звучит в предсмертном разговоре Свидригайлова со сторожем, стоящим у ворот «большого дома с каланчой», которого повествователь окрещивает про себя, поскольку тот в каске пожарника, «Ахиллесом»:

— Я, брат, еду в чужие края.

— В чужие края?

— В Америку.

— В Америку?

Свидригайлов вынул револьвер и взвел курок. Ахиллес приподнял брови.

— А-зе, сто-зе, эти сутки (шутки) здесь не места!

— Да почему же бы и не место?

— А потому-зе, сто не места.

— Ну, брат, это всё равно. Место хорошее; коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку.

Он приставил револьвер к своему правому виску.

— А-зе здесь нельзя, здесь не места! — встrepенулся Ахиллес, расширяя всё больше и больше зрачки.

Свидригайлов спустил курок [Достоевский 1972–1990, 6: 394–395].

Впрочем, этот эвфемизм родился в сознании Свидригайлова несколько раньше — в его последнем разговоре с Соней Мармеладовой:

— Я, Софья Семеновна, может, *в Америку уеду*, — сказал Свидригайлов, — и так как мы видимся с вами, вероятно, в последний раз, то я пришел кой-какие распоряжения сделать [Достоевский 1972–1990, 6: 384].

— Ну, *в Америку собираться* да дождя бояться, хе-хе! Прощайте, голубчик, Софья Семеновна! Живите и много живите, вы другим пригодитесь [Достоевский 1972–1990, 6: 385].

Смысл выражения «уехать в Америку», который Свидригайлов при этом подразумевает, сложился у него далеко не сразу. Вначале Америка была в его мыслях всего лишь вариантом — причем далеко не единственным — страны, где он мог бы быть счастливым с Дуней: «Ведь *предлагая моему предмету бежать со мною в Америку или в Швейцарию, я, может*, самые почтительнейшие чувства при сем питал, да еще *думал обоюдное счастье устроить!*...» [Достоевский 1972–1990, 6: 215]. Недаром Америка, как и Швейцария или Франция, еще начиная со времен Н.М. Карамзина, «являлась символом борьбы за свободу» [Фаликова 1994: 206].

Так что в какой-то степени первоначально этот эвфемизм был у него — как и у русских социалистов — своего рода метафорой свободы. В паре со Швейцарией «Америка» оказывается тут потому, что, разыгрывая в деревне перед Дуней Раскольниковой роль романтического страдальца, Свидригайлов использовал при этом «все шаблоны романтического сюжета: жалобы на жестокую судьбу, благочестивые беседы, стремление к “свету”, т. е. к “новым берегам”, роковые тайны, возрождение пропащего человека через сострадание и даже *побег в Америку или Швейцарию* (VI; 355, 365, 215)» [Фаликова 1994: 222].

Как и позднее в «Бесах», в «Преступлении и наказании» проявляется та же диалектика образа Америки. Край земли, который представляется герою подходящим местом для того, чтобы начать новую жизнь, в действительности оказывается в его устах метафорой гибели.

Аллегория самоубийства в русской литературе

С «легкой руки» Свидригайлова «Америка» станет в русской литературе своего рода символом смерти, а бегство в нее даже аллегорией самоубийства. При этом, как проницательно замечает Н.Э. Фали-

кова, у Достоевского «“Америка” Свидригайлова по своему значению совпадает с “Швейцарией” Ставрогина». Исследовательница недаром обращает наше внимание также и на то, что «в черновиках к “Бесам” есть запись о предполагавшемся путешествии Ставрогина *в Америку* и на Восток (XI; 230)» [Фаликова 1994: 223].

Только с учетом всего этого можно понять, почему доктор Дорн в финале чеховской «Чайки» интересуется письмом именно из Америки:

Д о р н (*перелистывая журнал, Тригорину*). Тут месяца два назад была напечатана *одна статья... письмо из Америки*, и я хотел вас спросить, между прочим... (*берет Тригорина за талию и отводит к рампе*)... так как я очень интересуюсь этим вопросом... (*Тоном ниже, вполголоса*). Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что *Константин Гаврилович застрелился...* [Чехов 1978: 60].

Если у героя Достоевского выражение «уезжаю в Америку» было аллегорией самоубийства, то чеховский герой, желая отвлечь внимание собравшихся, и прежде всего матери Треплева Аркадиной, от только что произошедшего в усадьбе самоубийства ее сына, выдумывает какое-то напечатанное «письмо из Америки». Так, будучи трансформирована в соответствии с собственными художественными задачами Чехова, аллегория Достоевского подспудно проявляется в его пьесе.

Впоследствии этот своего рода «свидригайловский эвфемизм» еще не раз использовался в том или ином виде в русской и советской литературе последующего времени — до тех пор, пока он не стал настолько затертым и банальным, что вместо него начали использовать его модификации. Например, в известном рассказе писателя младшего поколения первой русской эмиграции Гайто Газданова «Черные лебеди» (1929) навязчивой идеей главного героя Павлова становится уже не «Америка», а «Австралия». Этим русским героем-эмигрантом, работающим в Париже на фабрике и испытывающим экзистенциальное отчуждение от людей, владеет одна мечта: увидеть «черных лебедей». Однако в конце концов он отказывается от реального осуществления и этой мечты.

Судя по всему, этот газдановский герой руководствуется плотинско-шестовским представлением о том, что «может, жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь». И, следовательно, совершив самоубийство, он

тем самым осуществит свою мечту увидеть «черных лебедей», так и не побывав в Австралии. Показательно, что в свою очередь Лев Шестов развивает эту мысль, говоря о Достоевском [Шестов 1993: 25–30].

Любопытно, что образ Павлова, с одной стороны, носит скрыто автобиографический характер, с другой — восходит также ко многим другим героям Достоевского, а с третьей — содержит черты поэта Б.Я. Поплавского, который через несколько лет действительно, судя по всему, покончил жизнь самоубийством (Поплавский умер от передозировки наркотиками при до конца не выясненных обстоятельствах) (см. подробнее: [Кибальник 2011: 150–159]).

Чем закончились «Братья Карамазовы»?

Некоторые исследователи — как правило, зарубежные — полагают, что роман «Братья Карамазовы» заканчивается бегством Дмитрия Карамазова в Америку. Напротив, российские ученые, как правило, убеждены в том, что он идет в Сибирь, на каторгу. При этом, однако, как те, так и другие руководствуются не столько текстом романа и его анализом, сколько общими соображениями. Так, например, Л.И. Сараскина полагает:

Как известно, Митя не добрался до Америки, а остался в Отчестве отбывать двадцатилетнюю каторгу. Утопический план Ивана не сработал и сработать не мог ни при каких обстоятельствах. Америка для героев Достоевского остается либеральной, а стало быть, по мысли Достоевского, вредной утопией: местом, куда скрываются от закона, местом, куда бегут с чужими деньгами, местом, где никто не спрашивает о привезенных капиталах, местом, где человека не ищут и где он никогда не станет своим [Сараскина 2010: 146].

Попытаемся разобраться, как же обстоит дело в действительности.

С одной стороны, в тюрьме с Дмитрием происходит своего рода духовный переворот, и в нем рождается убежденность в том, что он должен пострадать за несчастья других. Этим Дмитрий напоминает сектанта Миколку из «Преступления и наказания» с его решимостью «страдание принять» [Достоевский 1972–1990, 6: 348]. Вот как рассказывает об этом Грушенька:

...только стал он мне вдруг говорить про дитё, то есть про дитяню какого-то, «зачем, дескать, бедно дитё». «За дитё-то это

я теперь и в Сибирь пойду, я не убил, но мне надо в Сибирь пойти!» Что это такое, какое такое дитё — ничегошеньки не поняла [Достоевский 1972–1990, 15: 10–11].

Сам Дмитрий позднее разъясняет это Алеше так:

Брат, я в себе в эти два последние месяца нового человека ощутил, воскрес во мне новый человек! Был заключен во мне, но никогда бы не явился, если бы не этот гром. Страшно! И что мне в том, что *в рудниках буду двадцать лет молотком руду выколачивать, не боюсь я этого вовсе*, а другое мне страшно теперь: чтобы не отошел от меня воскресший человек! [Достоевский 1972–1990, 15: 30–31].

С другой стороны, согласиться на предложение брата Ивана и Катерины Федоровны бежать в Америку Дмитрия побуждают следующие соображения:

Алеша, слушай: брат Иван мне предлагает *бежать*. [...] *В Америку с Грушей. Ведь я без Груши жить не могу! Ну как ее ко мне там не пустят?* Каторжных разве венчают? Брат Иван говорит, что нет. А без Груши что я там под землей с молотком-то? Я себе только голову раздроблю этим молотком! [Достоевский 1972–1990, 15: 34].

Однако стремление не разлучаться с Грушей сталкивается в его душе с голосом совести:

А с другой стороны, совесть-то? От страдания ведь убежал! Было указание — *отверг указание, был путь очищения — поворотил налево кругом*. Иван говорит, что в Америке *«при добрых наклонностях» можно большие пользы принести, чем под землей*. Ну, а гимн-то наш подземный где состоится? *Америка что, Америка опять суета! Да и мошенничества тоже, я думаю, много в Америке-то*. От распятия убежал! [Достоевский 1972–1990, 15: 34].

При этом в словах Ивана отчасти преломляется вера русских социалистов в Америку как в край абсолютной свободы, создающей все условия для самореализации каждой личности (ср.: [Фаликова 1994: 216]). В словах Дмитрия, напротив, отражается представление о ней как о царстве чистогана и капиталистического делячества — представ-

ление, в справедливости которого имели возможность убедиться герои «Бесов» Шатов и Кириллов. Как отмечает Н.Э. Фаликова, «идеалисты Достоевского разными способами стремятся вырваться из своих каморок и углов в широкий мир. Но Америка (или Швейцария) означает для них бегство от мира, от “живой жизни”, от совести и страдания» [Фаликова 1994: 223].

По словам исследовательницы, «как Иван искушает Дмитрия в “Братьях Карамазовых”, так Свидригайлов искушает Дуню в сцене их последнего свидания (VI, 379–380). Предлагая “спасти брата”, он также прибегает к аргументам рационалистической морали, говорит о пользе и добрых наклонностях: “Мы его спасем, выручим. Хотите, я увезу его за границу?.. А насчет того, что он убил, то *он еще наделает много добрых дел*, так что все это загладится...” (VI, 379)» [Фаликова 1994: 220].

Катерина Федоровна, будучи не в состоянии простить Дмитрия за то, что он соглашается бежать в Америку только с Грушенькой, тем не менее, уговаривает Алешу убедить Дмитрия отбросить любые сомнения и согласиться на побег. Алеша соглашается и говорит ему:

Если б ты убил отца, я бы сожалел, что ты отвергаешь свой крест. Но ты невинен, и такого креста слишком для тебя много. Ты хотел мукой возродить в себе другого человека; по-моему, *помни только всегда, во всю жизнь и куда бы ты ни убежал, об этом другом человеке — и вот с тебя и довольно.* [...] Но знай, что и тебя не осужу никогда [Достоевский 1972–1990, 15: 185].

«Но зато я себя осужу! [...] Я убегу, это и без тебя решено было: Митька Карамазов разве может не убежать? Но зато себя осужу и там буду замаливать грех вовеки!» — возражает ему на это Дмитрий [Достоевский 1972–1990, 15: 186], угадывая то, что Катерина Федоровна говорила про него Алеше: «...такому ли страдать? Такие, как он, никогда не страдают!» [Достоевский 1972–1990, 15: 182].

Более того, в этих своих словах Алеше Дмитрий сам видит налет иезуитизма: «Ведь этак иезуиты говорят, этак? Вот как мы теперь с тобой, а?» И тот соглашается с ним: «Этак, — тихо улыбнулся Алеша» [Достоевский 1972–1990, 15: 186].

Вот что, тем не менее, оказывается решающим моментом в нынешней мотивации Дмитрия все-таки бежать:

...если я и убегу, даже с деньгами и паспортом и даже в Америку, то меня еще ободряет та мысль, что не на радость убегу, не на счастье, а воистину на другую каторгу, не хуже, может быть, этой! Не хуже, Алексей, воистину говорю, что не хуже! Я эту Америку, черт ее дери, уже теперь ненавижу [Достоевский 1972–1990, 15: 186].

Америка в его представлении обретает черты настолько чуждой страны, что оказывается хуже любой каторги — причем не только для него самого, но и для Грушеньки:

— ...Пусть Груша будет со мной, но посмотри на нее: ну американка ль она? Она русская, вся до косточки русская, она по матери родной земле затоскует, а буду видеть каждый час, что это она для меня тоскует, для меня такой крест взяла, а чем она виновата? А я-то разве вынесу тамошних смердов, хоть они, может быть, все до одного лучше меня? *Ненавижу я эту Америку уже теперь!* И хоть будь они там все до единого машинисты необъятные какие али что — черт с ними, *не мои они люди, не моей души!* Россию люблю, Алексей, русского бога люблю, хоть я сам и подлец! *Да я там издохну!* — воскликнул он вдруг, засверкав глазами. Голос его задрожал от слез [Достоевский 1972–1990, 15: 186].

И только следующий план — вначале сурового труда в Америке, а потом скорого тайного возвращения на родину — мирит Дмитрия с мыслью о бегстве:

— Ну так вот как я решил, Алексей, слушай! — начал он опять, подавив волнение, — с Грушей туда приедем — и там тотчас пахать, работать, с дикими медведями, в уединении, где-нибудь подальше. Ведь и там же найдется какое-нибудь место подальше! Там, говорят, есть еще краснокожие, где-то там у них на краю горизонта, ну так вот в тот край, к последним могиканам. Ну и тотчас же за грамматику, я и Груша. Работа и грамматика, и так чтобы года три. В эти три года аглицкому языку научимся как самые что ни на есть англичане. И только что выучимся — конец Америке! Бежим сюда, в Россию, американскими гражданами [Достоевский 1972–1990, 15: 186].

Дмитрий планирует вернуться в Россию, надеясь на то, что его тогда уже здесь не узнают:

Не беспокойся, сюда в городишко не явимся. Спрячемся куда-нибудь подальше, на север али на юг. Я к тому времени изменюсь, она тоже там, в Америке, мне доктор какую-нибудь бородавку подделает, недаром же они механики. А нет, так я себе один глаз проколю, бороду отпущу в аршин, седую (по России-то поседею) — авось не узнают [Достоевский 1972–1990, 15: 186].

Но вот важный момент: для него не так важно, узнают его или нет, как важно умереть на родине:

— ...А узнают, пусть ссылают, всё равно, значит, не судьба! Здесь тоже будем где-нибудь в глуши землю пахать, а я всю жизнь американца из себя представлять буду. Зато попрем на родной земле. Вот мой план, и сие непреложно. Одобряешь?

— Одобряю, — сказал Алеша, *не желая ему противоречить* [Достоевский 1972–1990, 15: 186–187].

Последняя авторская ремарка чрезвычайно важна. Она свидетельствует о том, что в действительности Алеша не очень-то одобряет или скорее не очень-то верит в осуществление такого плана, на реализацию которого — на основании куда менее важных причин — пошел герой Чернышевского Лопухов.

Видно, очень уж непросто Алеше представить себе Митю в образе американского гражданина, говорящего по-английски, с измененной внешностью и с женой-американкой Грушенькой, также изысканной по-английски. Скорее в этом фантастическом плане вновь сказывается присущая Дмитрию страстность и исступленность, чем сколько-нибудь здравый расчет, без которого подобные планы осуществиться не могут⁷.

И мало что тут меняет даже готовность Грушеньки принять спасение Мити от Катерины Федоровны и ответное обещание последней исполнить свое намерение:

---

⁷ Например, В.И. Кельсиев в конце концов действительно вернулся в Россию из-за границы, причем дважды. Однако оба раза совсем не переодетым под иностранца. В первый раз (в 1862 г.) он приезжал в Россию на некоторое время тайно, не изменяя облика, а лишь с поддельным паспортом турецкого подданного. Во второй раз (в 1867 г.) — вернулся окончательно, сдавшись на границе пограничным российским властям.

— ...Вот спаси его и всю жизнь молиться на тебя буду.

— А простить не хочешь! — прокричал Митя Грушеньке, с безумным упреком.

— Будь покойна, спасу его тебе! — быстро прошптала Катя и выбежала из комнаты [Достоевский 1972–1990, 15: 188].

Прислушаемся лучше к словам Коли Красоткина, воспринимающего грядущие страдания Дмитрия в героическом свете: «...я желал бы умереть за всё человечество, а что до позора, то всё равно: да погибнут наши имена. *Вашего брата я уважаю!*» [Достоевский 1972–1990, 15: 190]. И, наконец, услышим заключительные слова на этот счет Алеши: «Я теперь пока несколько времени с двумя братьями, из которых *один пойдет в ссылку...*» [Достоевский 1972–1990, 15: 195].

«Бегство в Америку» в художественном мире Достоевского

Итак, если у сюжетной истории Дмитрия Карамазова — открытый финал, то у всего романа Достоевского финал совершенно определенный. Он заключается в возрождении братских чувств друг к другу кровных братьев Карамазовых и в восстановлении в романе коренного идеала «русского социализма» Достоевского — идеала всеобщего братства, солидарности и ответственности друг за друга (см.: [Моррис 2007]), достижимого, по мысли его, «*всесветным единением во имя Христово*» [Достоевский 1972–1990, 27: 19].

В свете этого финала романа слова Алеши о Дмитрие: «пойдет в ссылку» — кажутся сказанными совсем не из соображений сохранения в тайне его намерения бежать, а обозначением действительной предстоящей ему участи. Характерно, что «русский мальчик» с «ранним развитием» Коля Красоткин до этого высказывает мысль, которую, очевидно, разделяет и автор: «Я тоже, например, считаю, что *бежать в Америку из отечества — низость, хуже низости — глупость*. Зачем в Америку, когда и у нас можно много принести пользы для человечества?» [Достоевский 1972–1990, 14: 501].

Подтверждение этому можно видеть в судьбе других героев Достоевского — прежде всего Раскольников, который в сходных с Дмитрием Карамазовым обстоятельствах (впрочем, пока еще оставаясь на свободе и будучи в состоянии сделать это беспрепятственно) вначале также питает надежду убежать в Америку:

Я возьму деньги и уйду, и другую квартиру найму, они не съдут!.. Да, а адресный стол? Найдут! Разумихин найдет. Лучше совсем

бежать... далеко... в Америку, и наплевать на них! И вексель взять... он там пригодится [Достоевский 1972–1990, 6: 100].

Позднее эту мысль, впервые явившуюся ему самому непроизвольно, высказывает — уже в качестве совета Раскольникову — Свидригайлов:

Если же убеждены, что у дверей нельзя подслушивать, а старушонку можно лущить чем попало, в свое удовольствие, так *уезжайте куда-нибудь поскорее в Америку!* Бегите, молодой человек! Может, есть еще время. Я искренно говорю. Денег, что ли, нет? Я дам на дорогу [Достоевский 1972–1990, 6: 373].

Ответ Раскольникова в высшей степени красноречив: «*Я совсем об этом не думаю*, — перервал было Раскольников *с отращиванием*» [Достоевский 1972–1990, 6: 373].

Единственное якобы «американское», что все же обретает Раскольников в романе с легкой руки Разумихина — это «панталоны»:

— ...Ну-с, *приступим теперь к Соединенным Американским Штатам*, как это в гимназии у нас называли. Предупреждаю — *штанами горжусь!* — и он расправил перед Раскольниковым серые, из легкой летней шерстяной материи панталоны, — ни дырочки, ни пятнышка, а между тем весьма сносные, хотя и поношенные... [Достоевский 1972–1990, 6: 101].

Как мы помним, Раскольников в это время находится с Соней в отношениях, если еще пока не аналогичных отношению Дмитрия к Грушеньке, то предвещающих превращение их в таковые в будущем — что и в самом деле происходит в «Эпilogue» романа.

В высшей степени показательно в этом смысле, что Раскольников отнюдь не следует совету Свидригайлова, а, напротив, под влиянием Сони вступает на долгий и мучительный путь искупления своего преступления страданием. Как поясняет Порфирий Петрович, Раскольникову, который «больше уже не верит» своей теории, как бы и «не с чем бежать» [Достоевский 1972–1990, 6: 352].

«Бежать в Америку» у Достоевского собираются и многие другие герои, например, герой «Подростка» Ефим Зверев: «Дорогой я спросил Ефима, все ли еще он держит намерение бежать в Америку? “Может, и подожду еще”, — ответил он *с легким смехом*» [Достоев-

ский 1972–1990, 13: 42]. Характерно, что Аркадий относится к Звереву без малейшей симпатии, причем ремарка его об этом следует сразу за этой последней фразой:

Я его не так любил, даже не любил вовсе. Он был очень бел волосами, с полным, слишком белым лицом, даже неприлично белым, до детскости, а ростом даже выше меня, но *принять его можно было не иначе как за семнадцатилетнего. Говорить с ним было не о чем* [Достоевский 1972–1990, 13: 42].

Эта характеристика напоминает многочисленные характеристики социалистов как поверхностных, примитивных людей в публицистике и письмах Достоевского.

Как отмечает В.И. Габдуллина, «Америка для героев Достоевского всегда связана с жестом отчаяния и отречения от России» [Габдуллина 2008: 133]. Так, в романе «Подросток» Версиров, читая в душе Аркадия иронически замечает ему про его наполеоновские планы: «... тебе теперь именно хочется звонкой жизни, что-нибудь зажечь, что-нибудь раздробить, *стать выше всей России*, пронестись громовую тучей и оставить всех в страхе и в восхищении, а *самому скрыться в Северо-Американские Штаты*» [Достоевский 1972–1990, 13: 174].

Еще более определенно на этот счет высказывается сам Достоевский в «Дневнике писателя» по поводу участившихся случаев побега в Америку, воспроизводя при этом логику окружающих так: «(как-де не пустить его в Америку: *в Америку бежать все-таки очень либерально*)... Так и гибнут свежие силы» [Достоевский 1972–1990, 22: 81] (см. подробнее: [Коротченко 2020]).

«Русский человек, бежавший из дома, залетевший в Америку и оставшийся там навсегда, считает Достоевский, определенно потерян для Отечества, — констатирует Л.И. Сараскина. — Ни одного своего героя писатель не подверг подобной участи» [Сараскина 2010: 146].

Все вышесказанное — наряду с внутренней диалектикой самого образа Дмитрия Карамазова в романе, рассмотренной нами выше, — является почти математическим доказательством того, что ни в какую Америку он так и не убежит.

В отличие от А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, «Америка» в творчестве Достоевского предстает не столько метафорой освобождения, сколько аллегорией самоубийства.

Если по мысли А.И. Чинковой, в творчестве писателя совмещаются две мифологемы — путешествие в царство мертвых и поиски земного рая [Чинкова 1997], то в действительности первое у Достоевского скорее скрывается под покровом второго, так что соотносится с ним не столько как другая мифологема, сколько как зачастую, увы, грустная реальность.

Впрочем, при всем своеобразии образа «Америки», созданного русским писателем, он вполне вписывается в магистральную традицию критического ее изображения в европейских литературах, представленную, в частности, в творчестве столь любимого Достоевским Ч. Диккенса с его «Американскими заметками» (1842) и романом «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита» (1843–1844)⁸.

ЛИТЕРАТУРА

Арустамова 2019 — *Арустамова А.А.* Тема Америки в русской литературе XIX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2019. 44 с.

Габдуллина 2008 — *Габдуллина В.И.* «Блудные дети, двести лет не бывшие дома»: евангельская притча в авторском дискурсе Ф.М. Достоевского. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2008. 303 с.

Герцен 1958 — *Герцен А.И.* Письма к Георгу и Эмме Гервегам (1848–1850); Прил.: Письма Н.А. Герцен к Гервегам (обзор) / публ. и коммент. Л.Р. Ланского // Лит. наследство. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. Т. 64: Герцен в заграничных коллекциях. С. 9–318.

Герцен 1954 — *Герцен А.И.* Собрание соч.: в 30 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1966.

Достоевская 2015 — *Достоевская А.Г.* Солнце моей жизни — Федор Достоевский. Воспоминания. 1846–1917. М.: Бослен, 2015. 768 с.

Достоевский 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полное собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Катарский 1976 — *Катарский И.М.* Достоевский и Диккенс (1860–1870-е годы) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1976. Т. 2. С. 277–284.

Кибальник 2011 — *Кибальник С.А.* Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб: Петрополис, 2011. 410 с.

Кибальник 2013 — *Кибальник С.А.* Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: Петрополис, 2013. 431 с.

⁸ Этот диккенсовский роман, как известно, отозвался в творчестве Достоевского (см., например: [Катарский 1976]).

Короленко 1955 — *Короленко В.Г.* Собрание соч.: в 10 т. М.: Гос. изд-во худож. лит. 1955. Т. 7: История моего современника, кн. 3–4. 456 с.

Коротченко 2020 — *Коротченко Т.В.* Образ Америки в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2020. № 65. С. 243–259.

Кубанев 2000 — *Кубанев Н.А.* Образ Америки в русской литературе. М.; Арзамас, 2000. 440 с.

Моррис 2007 — *Моррис М.* Где же ты, брате? Повествования на границе и восстановление связности в «Братьях Карамазовых» // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касагиной. М.: Наука, 2007. С. 605–630.

Сараскина 2010 — *Сараскина Л.И.* Америка как миф и утопия: бегство в никуда // Испытание будущим. Ф.М. Достоевский как участник современной культуры / Л.И. Сараскина. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 133–146.

Фаликова 1994 — *Фаликова Н.Э.* Американские мотивы в поздних романах Ф.М. Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского: сб. науч. тр./ отв. ред. В.Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1994. С. 199–241.

Чернышевский 1975 — *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях / изд. подгот. Т.И. Орнатская и С.А. Рейсер. Л.: Наука, 1975. 870 с.

Чехов 1978 — *Чехов А.П.* Чайка: комедия в четырех действиях // Полное собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. М.: Наука, 1978. Т. 13: Пьесы. 1895–1904. С. 3–60.

Чинкова 1997 — *Чинкова А.И.* Мотивы Вавилонской башни и Америки в романах Достоевского // Актуальные проблемы литературоведения: сб. работ молодых учен. филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Диалог-МГУ, 1997. Вып. 2. С. 37–42.

Шестов 1993 — *Шестов Л.* Преодоление самоочевидностей (К столетию рождения Ф.М. Достоевского) // Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2: На весах Иова (Странствования по душам). С. 25–97.

Эткинд 2001 — *Эткинд А.М.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 483 с.

REFERENCES

Arustamova 2019 — *Arustamova, Anna.* “Tema Ameriki v russkoi literature XIX v.” [“The Theme of America in Russian Literature of the 19th Century”]. DSc thesis, Perm State University, 2019. (In Russ.)

Chekhov 1978 — *Chekhov, Anton.* “Chaika: komediia v chetyrekh deistviakh” [“The Seagull: A Comedy in Four Acts”]. In *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniia: v 18 t.* [Complete Works and Letters, in 30 vols. Works, in 18 vols.].

Vol. 13: *P'esy. 1895–1904 [Plays. 1895–1904]*, 3–60. Moscow: Nauka Publ., 1978. (In Russ.)

Chernyshevsky 1975 — Chernyshevsky, Nikolay. *Chto delat'? Iz rasskazov o novykh liudiakh [What is to Be Done? From Stories about New People]*, edition prepared by T.I. Ornatskaia and S.A. Reiser. Leningrad: Nauka Publ., 1975. (In Russ.)

Chinkova 1997 — Chinkova, A.I. “Motivy Vavilonskoi bashni i Ameriki v romanakh Dostoevskogo” [“Motives of the Tower of Babel and America in Dostoevsky's Novels”]. In *Aktual'nye problemy literaturovedeniia: sbornik rabot molodykh uchenykh filologicheskogo fakulteta MGU imeni M.V. Lomonosova [Actual Problems of Literary Studies: Collection of Works by Young Scientists of the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University]*. Vol. 2, 37–42. Moscow: Dialog-MGU Publ., 1997. (In Russ.)

Dostoevskaya 2015 — Dostoevskaya, Anna. *Solntse moei zhizni — Fedor Dostoevskii. Vospominaniia. 1846–1917 [The Sun of My Life is Fyodor Dostoevsky: Memories. 1846–1917]*. Moscow: Boslen, 2015. (In Russ.)

Dostoevsky 1972–1990 — Dostoevsky, Fyodor. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. [Complete Works, in 30 vols.]*. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

Etkind 2001 — Etkind, Aleksandr. *Tolkovanie puteshestvii. Rossiia i Amerika v travelogakh i intertekstakh [Interpretation of Travelling: Russia and America in Travelogues and Intertexts]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. (In Russ.)

Falikova 1994 — Falikova, Natalya. “Amerikanskii motivy v pozdnykh romanakh F.M. Dostoevskogo” [“American Motives in the Late Novels of F.M. Dostoevsky”]. In *Novye aspekty v izuchenii Dostoevskogo: sbornik nauchnykh trudov [New Aspects in the Study of Dostoevsky: Collection of Scientific Works]*, edited by V.N. Zakharov, 199–241. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1994. (In Russ.)

Gabdullina 2008 — Gabdullina, Valentina. “Bludnye deti, dvesti let ne byvshe doma”: *evangel'skaia pritcha v avtorskom diskurse F.M. Dostoevskogo [“Prodigal Children Who Have Not Been at Home for Two Hundred Years”: An Evangelical Parable in the Author's Discourse by F.M. Dostoevsky]*. Barnaul: Izdatel'stvo Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ., 2008. (In Russ.)

Herzen 1958 — Herzen, Aleksandr. “Pis'ma k Georgu i Emme Gervegam (1848–1850); Prilozhenie: Pis'ma N.A. Gertsen k Gervegam (obzor)” [“Letters to Georg and Emma Herweghs (1848–1850); Appendix: N.A. Herzen's Letters to the Herweghs (review)”], published and commented by L.R. Lanskoj. In *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*. Vol. 64, *Gertsen v zagranichnykh kolleksiakh [Herzen in Foreign Collections]*, 9–318. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1958. (In Russ.)

Herzen 1954 — Herzen, Aleksandr. *Sobranie sochinenii: v 30 t. [Collected Works, in 30 vols.]*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1954–1966. (In Russ.)

Katarskii 1976 — Katarskii, I.M. “Dostoevskii i Dikens (1860–1870-e gody)” [“Dostoevsky and Dickens (1860–1870s)”]. In *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia [Dostoevsky: Materials and Research]*. Vol. 2: 277–284. Leningrad: Nauka Publ., 1976. (In Russ.)

Kibalnik 2011 — Kibalnik, Sergei. *Gaito Gazdanov i ekzistentsial'naia traditsiia v russkoi literature* [*Gaito Gazdanov and the Existential Tradition in Russian Literature*]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2011. (In Russ.)

Kibalnik 2013 — Kibalnik, Sergei. *Problemy intertekstual'noi poetiki Dostoevskogo* [*Problems of Dostoevsky's Intertextual Poetics*]. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2013. (In Russ.)

Korolenko 1955 — Korolenko, Vladimir. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [*Collected Works, in 10 vols.*]. Vol. 7: *Istoriia moego sovremennika* [*The Story of My Contemporary*], bk. 3–4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1955. (In Russ.)

Korotchenko 2020 — Korotchenko, Tatiana. “Образ Америки в ‘Дневнике писателя’ Ф.М. Достоевского” [“The Image of America in a *Writer's Diary* by Fyodor Dostoevsky”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [*Tomsk State University Journal of Philology*], no. 65 (2020): 243–259. (In Russ.)

Kubanev 2000 — Kubanev, Nikolay. *Obraz Ameriki v russkoi literature* [*The Image of America in Russian Literature*]. Moscow, 2000. (In Russ.)

Morris 2007 — Morris, Marcia. “Gde zhe ty, brate? Povestvovaniia na granitse i vosstanovlenie sviaznosti v ‘Brat'iakh Karamazovykh’” [“Where are You, Brother? Narratives on the Border and the Restoration of Coherence in *The Brothers Karamazov*”]. In *Roman F.M. Dostoevskogo “Brat'ia Karamazovy”*. *Sovremennoe sostoianie izucheniia* [*The Novel by F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazov”: Current State of Research*], edited by T.A. Kasatkina, 605–630. Moscow: Nauka Publ., 2007. (In Russ.)

Saraskina 2010 — Saraskina, Ludmila. “Amerika kak mif i utopiia: begstvo v nikuda” [“America as a Myth and Utopia: Flight to Nowhere”]. In *Ispytanie budushchim. F.M. Dostoevskii kak uchastnik sovremennoi kul'tury* [*The Test of the Future. F.M. Dostoevsky as a Participant in Modern Culture*], 133–146. Moscow: Progress-Traditsiia Publ., 2010. (In Russ.)

Shestov 1993 — Shestov, Lev. “Preodolenie samoochevidnosti (K stoletiiu rozhdeniia F.M. Dostoevskogo)” [“Overcoming Self-Evidences (On the Centenary of the Birth of F.M. Dostoevsky)”]. In *Sochineniia: v 2 t.* [*Works, in 2 vols.*]. Vol. 2: *Na vesakh Iova (Stranstvovaniia po dusham)* [*On the Scales of Job (Wandering through the Souls)*], 25–97. Moscow: Nauka Publ., 1993. (In Russ.)

© 2021, С.А. Кибальник

Дата поступления в редакцию: 22.07.2021

Дата одобрения рецензентами: 25.08.2021

Дата публикации: 25.11.2021

© 2021, Sergei A. Kibalnik

Received: 22 Jun. 2021

Approved after reviewing: 25 Aug. 2021

Date of publication: 25 Nov. 2021